

Московская агломерация и «Новая Москва»

Можно ли направить растущую агломерацию, нигде не стесненную морем или горами, в каком-либо желаемом, наилучшем направлении? | **АЛЛА МАХРОВА, ТАТЬЯНА НЕФЁДОВА, АНДРЕЙ ТРЕЙВИШ**

Успущенного сверху — неожиданно для публики и экспертного сообщества — решения о резком расширении административной территории Москвы есть, как минимум, одна положительная сторона. Благодаря ему оживился интерес к расселению и урбанизации, градостроительству и градорегулированию, пространственной организации и самоорганизации общества, а заодно высветились до сих пор не решенные или недорешенные проблемы. Среди них задача выделения городских агломераций, их превращения из неправовых и бесстатусных образований, для которых нет общепринятых критериев и отсутствует официальная статистика, в информационно-статистические или даже нормативные единицы, каковыми они давно стали в ряде западных стран ¹.

Соответствующая научная база сложилась еще в недрах позднесоветской градостроительной геоурбанистики, пусть и с поправкой на секретность, а также очевидный дефицит данных. Оставалось унифицировать методику и передать ее ЦСУ СССР для дальнейшего применения, но советского времени не хватило, а потом эти исследования прервал кризис. До былого уровня им и теперь далеко. Постсоветские управленцы 2000-х годов, игнорируя научные наработки, увидели в

агломерации средство мобилизации развития, централизации ресурсов и власти. Отсюда попытки считать агломерациями произвольные множества городов, разделенных порой сотнями километров, а не сложившиеся эволюционным путем их компактные ступки ².

Агломерацию формирует и объединяет прежде всего возможность ежедневных маятниковых поездок, особенно трудовых, из чего становится ясно, почему радиус агломерации (при нынешних средствах сообщения) редко превышает 100 км, а ее площадь может составлять десятки, но не сотни тысяч кв. км. Другое дело — скопление агломераций, следующий ранг в таксономии урбанистических структур, называемый за рубежом мегалополисом. Мегалополисов немного в отличие от агломераций, которых в России, даже по самым жестким критериям, не менее пятидесяти. Московская занимает среди них не просто первое, а поистине уникальное место. С ее краткой характеристики мы и начнем.

Москва и ее окружение: лидерство в России

Своим положением Московская агломерация и Московский регион (их границы полностью не совпадают, но близки) обаяны своему ядру — столичной Москве. По

Таблица 1

ДОЛЯ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РОССИИ ПО ИЗБРАННЫМ ПОКАЗАТЕЛЯМ (В %)						
	Москва			Московская область		
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Численность населения	6,1	6,9	8,1	4,5	4,5	5,0
Численность занятых в экономике	6,9	8,8	9,5	3,9	3,8	4,3
Валовой региональный продукт	-	21,0	22,3*	-	3,2	4,8*
Инвестиции в основной капитал	6,0	13,4	6,9	3,4	4,4	3,8
Внешняя торговля	-	26,1	37,7	-	3,1	3,8
Розничный товарооборот	11,5	29,0	17,5	3,6	4,1	6,2
Ввод жилья	3,7	11,0	3,0	3,9	8,6	13,6
Промышленное производство**	6,7	4,7	10,3	4,9	2,9	7,1
Сбор всех видов налогов	-	17,8	21,8	-	3,5	5,0

* Данные за 2009 год

** Согласно классификаторам отраслей, действовавшим на каждую дату

Источники: Регионы России, 2002; Регионы России, 2007; Регионы России, 2011.

переписи населения 2010 года, здесь его в 2,4 раза больше, чем в Санкт-Петербурге, а в Московском регионе (с областью) — в 2,8 раза больше, чем в регионе Северной столицы³. По сравнению с этими двумя прочие города и урбанизированные регионы страны выглядят гораздо скромнее. Иначе говоря, среди наших главных центров не хватает нескольких ступеней «нормальной иерархии». Такое утверждение требует пояснения, хотя об этом уже шла речь, в том числе и на страницах *Pro et Contra*⁴.

Ранг-размерное правило Дж. Ципфа, в его упрощенной версии, требует, чтобы второй центр идеальной городской системы был вдвое меньше первого, третий — втрое, четвертый — вчетверо и т. д. А у нас и Петербург не дотягивает до размеров города второго ранга, и нет центров ни с 4-миллионным, ни с 3-миллионным, ни даже с 2–2,5-миллионным населением. В этом отношении Россия не похожа на другие страны-гиганты, где верхняя часть кривой Ципфа близка к «норме» (США) либо отклоняется от нее в сторону би- и полицентризма (Китай, Индия и др.). Что тому причиной — неизбежный централизм или какие-то другие факторы? Вопрос непро-

стой. Ясно только, что дело не в больших расстояниях: они, при прочих равных условиях, содействуют росту сопоставимых по размерам населения центров, гася накал их борьбы. Как бы то ни было, Москве и ее региону нет равных в стране, и не только по числу жителей. К тому же по большинству показателей доля Москвы и ее региона в России росла (см. таблицу 1 на с. 20).

По объемам валового продукта, доходов и потребления (розничная торговля) в 2009–2011 годах Московский регион опережал Петербургский в 4–6 раз, по массе рублевых банковских вкладов — в 7, доходов консолидированных бюджетов — в 13,5 раза. Столица, пользуясь своим статусом, стала главным в стране центром контроля за финансовыми и товарными потоками. Ее вклад в экспорт явно завышен таможенной статистикой, но все равно Москва — основное окно в мир, первый (даже единственный) претендент на роль глобального центра и, конечно, главная витрина реальных и мнимых успехов постсоветской России. Московская область ей сильно уступает, но сравнима с Петербургом. Третье место по валовому региональному продукту (ВРП) после Москвы и Тюменской

области Подмосковье занимает с 2005-го, а по строительству жилья стало лидером, обойдя в 2004 году Москву.

Как возник подмосковный «второй Петербург», рассеянный по сотням пунктов вокруг столицы? Его главное отличие от города на Неве, от регионов-субъектов и от муниципальных образований состоит в том, что он никем не учреждался, а сложился в ходе долгого спонтанного развития Москвы и окрестностей. Интересно проследить основные этапы процесса.

История Московской агломерации

Городское (промышленно-городское) агломерирование – явление Нового времени, для Средних веков не типичное. Главными субцентрами в феодальной Московии были города-крепости и столицы бывших удельных княжеств, удаленные от нее на 75–200 км и сгущавшиеся на опасных южном и западном направлениях⁵. К стенам Москвы жались не города, а подгородные села, посады, монастыри. Их появлением регион обязан развитию торговли и промышленности, разрастанию сельских промыслов, мануфактур и фабрик. Лучи дорог, с XIX века железных дорог, задали «звездообразную» форму будущей агломерации. В начале XX века Москву – десятый по населению город в мире и второй в России – окружал плотный пояс промышленных, жилых и дачных предместий.

По переписи 1926 года, агломерация включала 8 городов и 36 поселков городского типа (пгт), насчитывая около 2,5 млн

человек. За годы первых пятилеток ее людность выросла более чем вдвое. После войны развитие транспорта, особенно за счет электрификации железных дорог, активизировало трудовые связи, ведя к расширению зоны двухчасовой доступности Москвы. В 1959-м Москва перешагнула 5-миллионный рубеж, а вся агломерация – 9-миллионный. Темпы ее роста замедлялись при усложнении структуры, что выражалось в формировании агломераций второго порядка (см. таблицу 2 на с. 21). Ближние пригороды Москвы стали, по существу, ее «внешними районами», и в 1960–1961 годах в состав столицы вошла вся зона ее ближайших пригородов (5 городов, 14 пгт). Территория была расширена в 2,5 раза, население увеличено на 1 млн человек. При этом темпы урбанизационных процессов продолжали убывать по мере расширения зоны влияния Москвы, повышения плотности населения и хозяйственной деятельности. По переписи 1970-го, агломерация выросла до 11,6 млн человек, приближаясь по отдельным направлениям к внешним границам Московской области и имея 16 агломераций второго порядка.

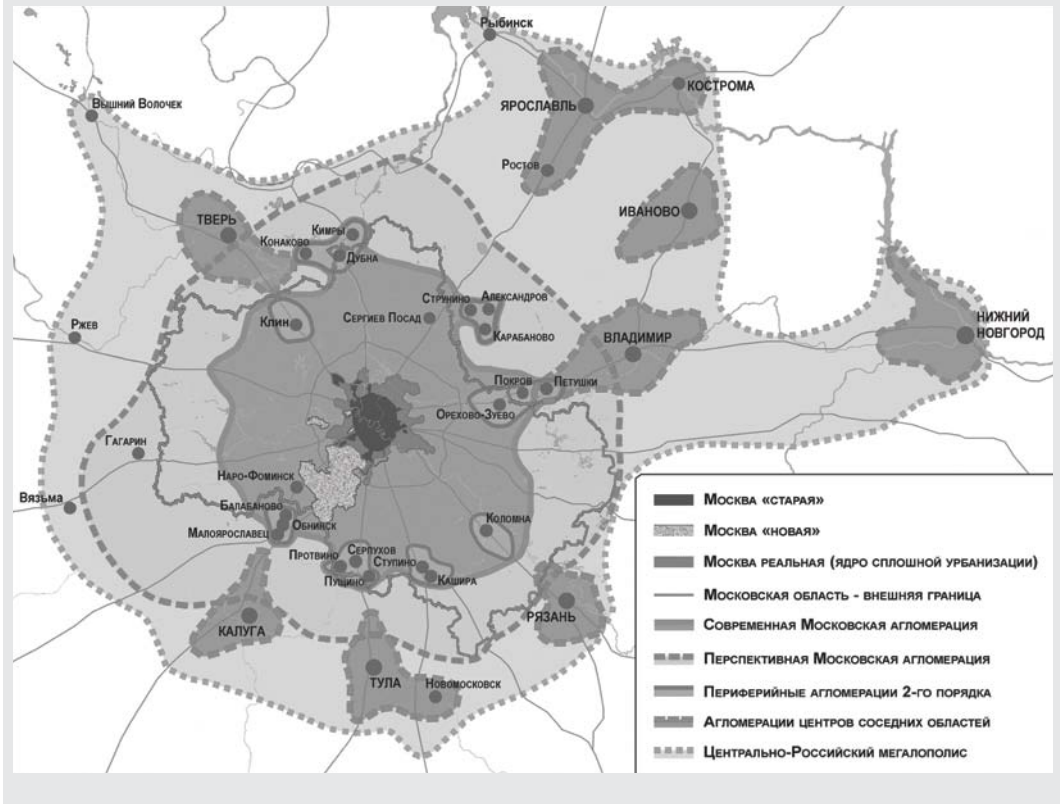
В 1970-е годы растут отрасли советского «хайтека» и сферы услуг, завершается электрификация железных дорог, строятся скоростные шоссе, возрастает интенсивность связей. Число городов в агломерации стабилизируется, но ее население продолжает расти, достигнув в 1979-м 13,6 млн человек, в том числе 7,9 млн в Москве. Столичная агломерация по отдельным лучам сближается с

Таблица 2

РОСТ АГЛОМЕРАЦИЙ ВТОРОГО ПОРЯДКА В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ					
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2010 г.
Количество агломераций	8	16	19	21	22
Число городских поселений в них	55	85	92	131	126
В том числе городов	30	44	47	54	75
Численность городского населения, тыс. человек	1 935,9	2 982,7	3 919,6	4 593,7	5 417,8

Рисунок 1

ОСНОВНЫЕ УРБАНИСТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ЦЕНТРЕ РОССИИ

агломерациями соседних областных центров, образуя ту форму расселения наагломерационного уровня, которую именуют мегалополисом.

В последние 20 лет Московская агломерация продолжала развиваться, сохраняя тенденции уплотнения ядра, усложнения структуры и периметрического расширения. Для нее характерны следующие черты:

- моноцентризм, связанный с мощью и влиянием Москвы;
- полицентризм спутниковой зоны (наличие равных экономических центров и агломераций второго порядка);
- радиально-концентрическое и секторно-поясное устройство с резкими различиями

центр – периферия, асимметрией западной и восточной частей;

- не вполне обычное для России развитие окраинных центров и ареалов в местах транспортных контактов с центрами соседних областей.

Ближний пояс подмосковных районов сливается с Москвой, ряд его городов теснее интегрирован с ней, чем некоторые части самой Москвы, что напоминает картину конца 1950-х, то есть перед расширением границ города-ядра. Москва с ближними пригородами – это фактически зона сплошной застройки, так называемый реальный (физический) город, который по отдельным направлениям заходит в муниципалитеты второго пояса.

Расползание города в пригороды дополнено расширением во все стороны самой агломерации, что обостряет транспортные проблемы (в том числе из-за дорожных пробок) и конфликты землепользования, разрушает экологический каркас. В то же время автомобилизация и рост скоростей на железных дорогах (за счет экспресс-поездов до центров смежных областей) расширяли ареал трудовых связей, отодвигая изохрону двухчасовой доступности Москвы за границу области. Однако главная причина этого

важными факторами развития агломерации, расширения зоны «водосбора» трудовых миграций. Жители центральных регионов страны едут в Москву и Подмоскowie в режиме недельных и других рабочих циклов (аналоги вахтового метода). Это своеобразное отходничество конца XX — начала XXI века усиливает связи в рамках уже не только столичной агломерации, но и Центрального мегалополиса с населением порядка 30 млн человек, общая структура которого показана на рисунке 1 (см. с. 22). Отрыв Москвы и ее

“Ближний пояс подмосковных районов сливается с Москвой, ряд его городов теснее интегрирован с ней, чем некоторые части самой Москвы”.

расширения состоит не в улучшении транспортной доступности, а в концентрации привлекательных рабочих мест в столице при их нехватке в провинции. По разным данным, число маятниковых мигрантов в Москву достигает ныне 1–1,3 млн человек (к 1990 году оно оценивалось в 750 тысяч). В 2000-х вырос и поток маятниковых мигрантов из Москвы в Московскую область, особенно в ближние пригороды, из-за субурбанизации офисно-деловых и торгово-развлекательных функций, особенно землёмких.

Места приложения труда множилось и дальше от Москвы, в очагах ускоренного роста отраслей, ориентированных на региональный рынок (Ступино, Клин и др.). Там ежедневный въезд на работу стал превышать выезд. Многие жители таких очагов работают в Москве, а новые рабочие места занимают мигранты из соседних городов и даже областей. Возник феномен «замещающей занятости», наиболее характерный для агломераций второго порядка.

Перепады в доходах населения между Москвой, Московской и окружающими областями, гиперактивный рынок труда стали

агломерации как центра этого мегалополиса от окраин по уровню жизни ускоряет опустошение староосвоенных территорий, создавая огромные контрасты между центром и глубинкой с ее сельской местностью и небольшими городами.

Постиндустриальные сдвиги в экономике Подмоскowie усиливают роль сервисных функций как градообразующих и в так называемых окраинных, или концевых (*edge cities*), городах. Их можно разделить на две группы. Одна (Химки, Красногорск, Одинцово и ряд других ближних спутников столицы) примыкает к городу-ядру и быстро наращивает офисно-деловые и торгово-развлекательные функции в расчете на спрос москвичей и своих жителей. Другая группа — это ядра агломераций второго порядка, расположенных как в Московской, так и в соседних областях. Часть из них — Дубна, Ступино, Обнинск — тоже развились в центры приложения труда и потребления, приуроченные уже к внешним рубежам агломерации, что говорит о появлении признаков относительно самостоятельной постсубурбии североамериканского типа⁶. В дальних пригородах, в отличие от

ближних, новые отрасли возникают в ходе реиндустриализации, ориентированной на рынок не только столицы, но и всей агломерации (пищевая и мебельная промышленность, выпуск строительных материалов и др.).

Ключевая функция агломераций второго порядка в составе Московского региона — регулирование перегруженности Москвы. Сверхконцентрация столичных и экономических функций вкупе с растущими объемами селитебной * нагрузки позволяет рассматривать эти субагломерации в качестве опорных элементов при возможном перераспределении ролей путем их частичной передачи из столицы.

Вопрос о структуре Московской агломерации остается открытым и трактуется по-разному. Тем не менее ясно, что в постсоветский период пропорции внутри агломерации изменились в пользу ядра за счет его ускоренного роста. В целом такая динамика соответствует стадии классической крупнородской урбанизации, когда основной демоэкономический потенциал сосредоточен в ядре, а центростремительные потоки, прежде всего трудовые, доминируют над центробежными. В 1990-х годах, при общем спаде экономики, она в Москве росла. Но в 2000-х началось социально-экономическое «подтягивание» пригородов к Москве (см. таблицу 1 на с. 20), что можно рассматривать как признак процесса субурбанизации хозяйства в виде диффузии промышленных и сервисных функций в пригородную зону.

Указанные тенденции усиливают полицентричность зоны спутников и ведут к постепенной трансформации Московской агломерации в город-регион. Этот процесс тоже чреват проблемами — от коммунально-бытовых до административно-управлен-

ческих. Уплотнение и слияние с Москвой ближних пригородов достигли такой степени, что любая граница там условна и вырождается в более или менее плавный градиент. Субурбанизация селитебных функций постепенно меняет географию экономики (особенно сервисной) и потребления, перераспределяя их внутри агломерации. Вытеснение из ближнего пояса заводов, научных учреждений и сельскохозяйственных угодий, проигрывающих в конкуренции за землю, еще не означает, что область в целом их теряет. Напротив, ее реиндустриализация в 2000-х годах по всем признакам была заметнее, чем в столице. И агросектор немногим более дальних зон сохраняет высокие показатели продуктивности.

Территория пригорода активно используется логистикой. В ряде муниципалитетов логистические функции стали ведущими отраслями специализации, как, например, в Домодедовском, Подольском, Чеховском муниципальных районах и городском округе Химки, что связано с их близостью к аэропортам и с их транзитным положением.

Мобильность населения и рынок жилья

Есть сомнения в том, что границы агломераций можно выделять строго, объективно и однозначно. В мире существуют разные практики: что такое, скажем, «Рейн — Рур»? Одна агломерация или несколько? Отечественная традиция опоры на изохроны транспортной доступности города-ядра для маятниковых мигрантов понемногу подвергается «эрозии». В состав образующих агломерацию поселений все чаще пытаются включать дачно-садовые поселения, занимающие земли разных категорий. Еще меньше оснований для включения мест, откуда приходят «вахтовики-отходники»: это уже не суточный, а недельный, сезонный и другие ритмы, что меняет понимание агломерации как группы

* Селитебный — предназначенный под застройку или находящийся под застройкой (о земле, населенных пунктах).

населенных мест, связанных именно суточными ритмами жизнедеятельности.

Если бы удалось рассчитать размеры «временаселения» (в человеко-сутках) тех же дачных мест, то они во многих случаях вряд ли были бы велики, хотя сами потоки очень внушительны. По оценке Григория Гольца, поток отдыхающих из Москвы в область в летний выходной день еще в 1980-х превышал 2 млн человек, а в зимний — 1 млн человек⁷. Число дачников, выезжавших из столицы на более долгий срок, приближалось тогда к 0,7 млн, причем каждый третий ежедневно курсировал между Москвой и дачей как местом ночлега.

Признаком этих процессов стал бум на рынке подмосковного жилья. С 2004 года Московская область лидирует в России по его строительству, увеличив за последние пять лет отрыв от столицы втрое. Основную долю жилья возводят индивидуальные застройщики, хотя для постоянного проживания рассчитана его меньшая часть. Доля частных домов к концу XX века достигала 60 проц, вводимой в Подмосковье площади жилья. В 2000-х ее потеснила многоэтажная застройка, но масштабы индивидуальной тоже велики.

Возведение многоэтажного жилья в Подмосковье стало более распространенной практикой даже по сравнению с советской. С середины 2000-х годов девелоперы выводили на рынок целые жилые мегапроекты («А-101», «Новое Ступино», «Большое Домодедово», «Олимпик-Сити» и др.). Однако подмосковный рынок квартирному жилью ориентирован скорее на внешний спрос, чем на реальную субурбанизацию⁸. По данным Московской областной регистрационной палаты, доля покупателей из других регионов превышала одну треть, из Москвы — более 15 проц., остальное жилье приобреталось жителями области. Это говорит о центростремительной тенденции: выходцы из других регионов и стран обычно нацелены на приобрете-

ние жилья в столице, но из-за высоких цен довольствуются Подмосковьем. На рынке пригородного индивидуального жилья доля москвичей гораздо выше: на них приходится уже половина сделок, отражающих растущую популярность «своего дома с лужайкой» и появление коттеджных поселков. Пока они ориентированы на состоятельное население, но с переселением москвичей на постоянное жительство в коттеджные и дачные поселки Подмосковья сезонная субурбанизация может постепенно меняться на субурбанизацию западного типа.

Единство Московской агломерации обусловлено не только территориальной сомкнутостью ее ядра и пригородной зоны, но и устойчивостью связей между ними. Общая транспортная инфраструктура, маятниковые миграции, тесные экономические, финансовые, культурно-бытовые, рекреационные связи позволяют считать агломерацию единым целым. Однако налицо специфика подхода властей к этому целому.

Старые и новые реконструктивные идеи

Проекты благоустройства Москвы, известные с екатерининской поры, не имели до революции такого размаха, как в советское время. Полезно кратко напомнить об этом опыте, сопоставляя его с реальными процессами.

В 1920-х годах вместе с планом ГОЭЛРО и экономическими концепциями опоры на местные ресурсы была заложена вытянутая с севера на юг форма Московской области, включившей Московскую, Рязанскую, Тульскую, части Тверской и Калужской губерний. Иначе развивались концепции расселения. Наиболее дальновидными, предугадавшими реальное развитие Московской агломерации можно признать проекты Бориса Сакулина и Сергея Шестакова. Оба предлагали радиально-кольцевое устройство

Большой Москвы. Сакулин считал необходимыми крупные города с развитой промышленностью, но видел Москву прежде всего культурным и научным центром, передавшим производственные функции поясам агломерации⁹. Зона промышленного развития у него вытянута с севера — северо-запада (Дмитров, Сергиев-Посад, Александров) на юг — юго-восток (Серпухов, Коломна). Через сто лет именно этот вектор обозначил зону устойчивого развития производства в Московской агломерации¹⁰. Кроме того, он рассматривал развитие Москвы в рамках обширного реги-

В ходе индустриализации 1930–1950-х годов обладал централизованно-отраслевой принцип управления промышленностью. При этом границы Московской области меняли шесть раз. Генеральный план реконструкции и развития Москвы 1935 года расширял территорию столицы, выделял лесопарковый пояс (десятикилометровой ширины) и пригородную зону (50 км). Это положило начало подходу к ближайшим районам Московской области как к дополнению Москвы, по планам — рекреационно-экологическому, а в жизни гораздо более широкому. В самой сто-

“Можно ли направить растущую агломерацию, нигде не стесненную морем или горами, в каком-либо желаемом, наилучшем направлении?”

она от Рыбинска и Ярославля до Калуги и Тулы и от Ржева до Владимира, который, как показано выше, сформировал мощный мегаполис.

Более популярными были идеи «городов-садов». Дискуссия 1920-х о соцгородах и Москве вообще стала собранием утопий¹¹. Даже урбанисты, сторонники сохранения города, мыслили его как средний по нынешним меркам — до 80–100 тыс. человек. На практике это свелось к созданию прифабричных поселков на окраинах, затруднивших интеграцию растущего города. Конкурс схем перепланировки Москвы выявил смелые концепции направленного развития, причем схема Николая Ладовского (1930–1933) напоминала нынешний «галстук», только развернутый на запад-северо-запад, хотя реализована она не была. Более реалистичным считается проект Г.Б. Красовского (1931), в котором лучи расходятся в разные стороны по магистралям. Тогдашний проектировочный «взрыв» питал идеями последующие периоды, несмотря на то, что их лимитировали недостаток ресурсов и решения властей.

лице при всех достижениях (метро, высотки) велики были потери культурного наследия (храм Христа Спасителя и многое другое) и объемы нереализованных замыслов, включая кольцевые и хордовые магистрали, по сей день дефицитные. Но главное — это надежды сдержать рост Москвы и затем ее соседей паспортным режимом начиная с 1932-го.

Такие попытки характерны и для следующих этапов. Так, постановление 1956 года о запрете создавать и расширять промышленные предприятия распространялось как на Московскую область, так и на центры соседних областей (Иваново, Рязань, Тула и др.). Роста агломерации это не остановило. К расчетному сроку первого генплана (1960) население Москвы превысило намеченную цифру на 1,2 млн человек. При этом мигранты, оседая у ее границ, тем самым способствовали периметральному росту пригородов и их фактическому слиянию. Внешние границы столичной области были еще одним барьером. Эта схема работает по сей день; правда, стали ниже административные пороги, зато выше ценовые.

При всех попытках сдерживать рост региона его роль и статус повышались. Он все активнее притягивал учреждения науки, вузы, техникумы, хотя с 1963-го их создание было тоже запрещено. В то же время возврат к ведомственно-отраслевому управлению после краткой эпохи совнархозов вызвал рост министерского аппарата с его научно-проектным и прочим обеспечением. Массовое жилищное строительство быстро осваивало приданные столице территории, и ей вновь становилось тесно. Стала популярна концепция городов-спутников, но лишь новых (Зеленоград). Другие города резервом для разгрузки столицы не считались, а росли независимо от установок. Ситуацию пытались переломить. Так, схема районной планировки Московской области в 1970-х предусматривала опережающее развитие ее периферии¹². Предлагалась также «эшелонированная» схема центров — противовесов Москвы¹³. Обе явно переоценивали возможности выравнивания территориальных различий.

Лишь к началу 1980-х в новом Генплане развития Москвы до 2010 года вновь (после периода забвения с 1920-х) рассматривались три варианта развития агломерации в целом: (1) за счет формирования компактного ядра, (2) за счет строительства городов-спутников и (3) по избранным направлениям. Хотя самым перспективным был признан третий вариант, фактически возобладал первый¹⁴. Новейшее расширение Москвы с этих позиций может показаться настоящим прорывом, ведь это расширение явно направленное. Настораживает то, что оно не увязано с каким-либо планом развития всей Московской агломерации. Более того, ее перегораживание «галстук» вряд ли оптимизирует пространственную структуру. Впрочем, нельзя не заметить, что решение было принято не случайно и не случайным способом.

Галстук или жабо?

Местное самоуправление у нас подавлялось так долго, что оказалось ослаблено и в целом, и в сфере межмуниципальной координации. Здесь и кроется оправдание волевого решения о «Новой Москве»: иначе, мол, все утонуло бы в обсуждениях и согласованиях. Оставим в стороне вопрос о том, лучше ли будет Москве с «галстук» до границ Калужской области. Однако заметим, что если все время прибегать к такому стилю принятия решений, то иного не будет никогда, но тогда и расширять Москву, как все крупные города России, надо куда решительнее. Если нет надежд на сотрудничество местных властей, то всем агломерациям страны от управленческого хаоса надо прописать единое начало, требующее расширения черты центрального города всюду, куда агломерация дотянется. Получится уже не галстук, а целое средневековое жабо а-ля мельничный жернов.

Гонка административного города за растущим реальным типична для советской и московской практики: достаточно вспомнить, как Москву на рубеже 1960-х годов расширили «на вырост», до построенной тогда же МКАД. Эта практика отличается от западной, когда растущие города с усложняющейся структурой сами ищут механизмы взаимодействия ее элементов, обходясь без периодической перекройки административных границ¹⁵. Наша, условно восточная, схема — это всякий раз по существу административно-территориальная реформа, тотальная или локальная, открыто названная таковой или проводимая под видом микрокоррекции границ. Вообще-то в федеративном государстве такие реформы, затрагивающие состав его субъектов, требуют особых процедур.

Но дело не только в этом. Есть гораздо более фундаментальный вопрос: а можно ли вообще направить растущую агломерацию, нигде не стесненную морем или горами, в каком-либо желаемом, наилучшем направ-

лении или ей суждено расплываться во все стороны по схеме масляного пятна? Ключевое слово здесь — *растущая*. В самом деле, в первооснове вышеописанных процессов и проблем лежит рост экономики, населения и его благосостояния, выделяющий Москву и Подмоскovie на российском фоне, их отрыв по показателям доходов и потребления, качества учебы, карьеры и социальной защиты, по престижу и выгоде от близости верховной власти. Правда, имеются уже отмеченные нами признаки центробежных процессов, но преобладание центростремительных пока налицо.

Взаимоотношения ядра агломерации и ее окружения, периметральное расположение Москвы по основным транспортным лучам (реальная Большая Москва), транспортный и экологический коллапс давно волнуют общественность. Гламурная издалека, в реальной жизни Москва местами становится непригодной для нормального существования. Власть же, не имея механизмов системного решения проблем всей агломерации, часто хватается за решения «островные». Порой трудно избавиться от впечатления, что она не столько решала проблемы, сколько пыталась убеждать от них и от самой Москвы на какое-то не очень дальнее, но свежее, менее перегруженное место.

Как бы то ни было, решение о «галстук» было принято и одобрено обеими думами — городской и областной, и его предстояло облечь в конкретные планировочные формы. Но какие и кем? На этот раз, возможно полнее осознав масштабы задачи и самого объекта, власти пошли другим путем. Это уже другая, самоновейшая история.

Современные концепции: конкурс 2012 года

В начале 2012-го, впервые после 1930 года, был объявлен международный конкурс на разработку проекта Концепции развития Московской агломерации. Независимо от

результатов, он привлек большое внимание к ее проблемам, а участие известных иностранных архитектурных бюро позволило по-новому взглянуть на объект и его перспективы.

Особых «идеологических» расхождений в видении задач и траекторий развития Москвы и агломерации среди команд не было: все они опирались на современные урбанистические концепции — нового урбанизма, устойчивого развития города, «умного» города/региона, реурбанизма. Каждая команда включала и российских, и зарубежных участников, что тоже сближало их позиции. И все предлагали «гуманизацию» городской среды, сохранение природных ландшафтов и озелененных территорий, создание экокварталов, комфортной для пешеходов городской среды, регенерацию промышленных зон, развитие субцентров, создание культурных, креативных и публичных пространств. Но именно иностранцы с их установками на «гуманизацию» и создание дружелюбной городской среды видят будущее Москвы как «города среди лесов», дарящего «радость жизни» (Антуан Грюмбах), как «тайги-метрополиса» («Лаук»), как «городского великолетия» (итальянская «Студио Ас Сечи — Вигано»). Все команды предлагали активно развивать транспортную систему с новыми радиальными магистралями в юго-западном секторе, поперечными связками, соединением аэропортов высокоскоростной железной дорогой, экспресс-линиями автобуса и трамвая, связывающими центр Москвы с новыми территориями.

В основе проекта испанской команды Рикардо Бофилла лежала идея «умного линейного города» по двум направлениям (южному вдоль Варшавского шоссе и юго-западному вдоль Киевской железной дороги), соединяемым в районе Коммунарки в единую юго-западную ось. «Линейный интегрированный город» предполагает освоение незастро-

енных территорий в пригороде и реорганизацию производственных территорий внутри Москвы.

Эти идеи, включая создание юго-западной транспортной «петли» для связи центра с новым «галстуксом», близки к установкам архитектурно-дизайнерской мастерской Андрея Чернихова. Но российская команда видит Москву не «линейным городом», а «городом-архипелагом» с приоритетом «конкурентности Москвы как глобального города» и как «матрицы развития российских горо-

ченны ядра¹⁶. Как и предложения команды Чернихова, это чревато сильным уплотнением застройки ближних и средних пригородов и дальнейшим расползанием Москвы по принципу масляного пятна.

Команда ЦНИИП Градостроительства тоже видит Московскую агломерацию как «город-архипелаг», но предлагает совместить схемы спутникового и направленного роста (один коридор вдоль Москвы-реки, другой – в направлении с юго-запада на северо-восток). Идея раскрытия потенциала Москвы-реки

“Порой власть не столько решала проблемы, сколько пыталась убежать от них и от самой Москвы на какое-то не очень дальнее, но менее перегруженное место”.

дов». Правда, возникает вопрос: как стремительно растущий глобальный город станет «матрицей» для других, 85 проц. которых представлены малыми и средними городами с их особыми проблемами? Предлагая интенсифицировать внутренние территориальные ресурсы развития старой («безгалстучной») Москвы, в Новой Москве авторы, напротив, предлагают внедрять новые функции на участки, свободные от застройки, новые точки роста.

Команда «О.М.А.» (Нидерланды) рассматривает Московскую агломерацию в свете представлений об агломерации как «городе-регионе», предлагая ее «переориентацию» в полицентрическую из пяти ядер, включая старую Москву, в виде пяти олимпийских колец. По сути, это популярная идея аэропортосити, с новыми ядрами на базе Домодедова, Внукова, Шереметьева, Чкаловского, что позволит равноценно развивать несколько лучей агломерации. Вот только недоучет сложившегося расселения может вести к «утяжелению» агломераций второго порядка и их центров, на месте которых (хотя и без их упоминания) наме-

используется в концепциях многих команд: «Москва – роскошная река» у французской «Лаук», «Москва = Москве» у команды «Остоженка», которая рассматривает реку как связующее звено развития, «Город на реке» у американской «Урбан Дизайн Ассошиэйтис».

В основе концепции команды Грюмбаха лежит формирование «линейного города» в юго-западном и западном направлениях за счет наращивания транспортной инфраструктуры, новых колец и радиусов. В целом, как и проект команды Чернихова, эту работу выделяет глубокая проработка структуры и проблем развития агломерации, но с серьезной опорой на существующий каркас расселения при определении приоритетных узлов развития. Спорной представляется идея формирования новых градостроительных узлов («ворот Москвы») на МКАД, вся зона которой – самая перегруженная территория со сложной экологией.

Стержнем концепции парижской команды «Лаук» стала оригинальная идея развития «поперечного линейного города» вдоль новой скоростной магистрали, соединяющей аэропорты Домодедово и

Внуково через центр города (Домодедово – Подольск – Правительственный центр – Троицк – Внуково – Сколково – центр города – Шереметьево). Это предложение может ускорить превращение Московской агломерации не только в город-регион, но и в относительно равномерно заселенную территорию. К тому же это один из немногих проектов, который не ограничивается территорией Новой Москвы, а затрагивает и другие пригороды.

Российское архитектурное бюро «Остоженка» развивает Москву как «компактный город» за счет внутренних резервов (по оценкам авторов, общая площадь неэффективно используемых территорий достигает 21 тыс. га, что позволяет построить 210 млн кв. м недвижимости). На новых же территориях предложено сохранять ценные природные ландшафты, развивать бальнеологические курорты, реабилитационные центры, агропарки, новые общественные и рекреационные зоны. Риски в этом случае связаны с усилением центростремительных миграций в результате строительства жилья и новых рабочих мест в срединной зоне города, а не на периферии.

«Студио Ас Сечи – Вигано» предлагает развивать Москву как «ячеистый парковый город». Принципами этой концепции являются экология, интеграция городских пространств и обеспечение непрерывной центральности. Расчеты ячеистой структуры и параметров застройки определили шансы и пределы развития, включая природный ландшафт городов, потенциал демографической и градостроительной емкости ячеек на присоединенных территориях и в границах старой Москвы.

Речная тема, идея «города на реке», — ядро концепции американской команды «Урбан Дизайн Ассошиэйтис», которая, как и итальянская, предлагает уделять особое внимание особенностям существующего ландшафта при

развитии территории и создании зон нового освоения. Еще одной сквозной для всех команд темой стала реорганизация производственных территорий во внутренней Москве. Как и у других команд, здесь есть своя радикальная идея — нового Центрального железнодорожного вокзала в районе Зарядья (радикализма тут, конечно, меньше, чем в идее Ле Корбюзье 1930-х построить Москву заново после сноса всей исторической застройки, кроме отдельных памятников Кремля).

Конкурсное задание предусматривало полимасштабный подход, то есть разработку концепций на нескольких уровнях (Центральный федеральный округ, Московская агломерация, Москва и ее юго-западный «галстук», зоны размещения федерального правительственного центра)¹⁷. Однако в большинстве проектов развитие старой и новой, расширенной Москвы проработано лучше всего. Фактически основными результатами стали предложения по развитию присоединенного юго-западного сектора и реорганизации производственных территорий, расположенных в старых границах города. Проекты часто недоучитывали существующие диспропорции развития Москвы, ее пригородов (кроме юго-западных) и всей агломерации, например, между расселением людей и размещением мест приложения труда.

Из «экстерналий», предопределивших ограниченность эффекта от разработанных командами идей, можно выделить две важнейшие. Во-первых, жесткие условия конкурса, включая безальтернативность юго-западного направления развития Москвы. Во-вторых, номинальное участие властей в обсуждении предлагаемых проектов. При этом, если первое ограничение кто-то и мог преодолеть, то второе, связанное с ментальностью московских и российских властей, ставило команды в тупик¹⁸. Тиражирование прессой немногословных высказываний Владимира Путина

ставило в тупик разработчиков по поводу степени поддержки им ранее принятых решений по расширению Москвы. В кулуарах сам конкурс получил название «дымовая завеса»: дескать, он сам по себе, а решения по Москве и Московской агломерации примут безотносительно к его результатам, как проявление личного видения «философии» развития города правящей элитой.

Ясно одно: резкий поворот в развитии Московской агломерации налицо, а будет

ли он успешным или неудачным, реальным либо снова утопичным, устойчивым или эфемерным, принесет всей стране пользу или вред, судить еще рано. Как показывает весь опыт развития столицы, процесс трансформации занимает не менее 20–25 лет, в течение которых могут быть приняты и реализованы новые градостроительные решения, меняющие и границы, и всю систему функционирования столичной агломерации. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Там же на рубеже XIX–XX веков возник термин «агломерация», стали складываться первые научные школы изучения этого продукта урбанизации (Альфред Вебер, Георг Зиммель, Патрик Геддес и др.).

² Ситуация не нова и напоминает историю с городами-спутниками. Статус города-спутника получил построенный в 1960-х Зеленоград, а не Подольск, Люберцы, Мытищи и другие реальные спутники Москвы. Между тем развитую моноцентрическую агломерацию отличает от единичного города, хотя бы очень большого, именно зона многочисленных спутников.

³ Напомним, что питерская агломерация покрывает меньшую часть Ленинградской области, чем Москва – Московской, поскольку первая в 1,8 раза обширнее и ее северо-восточные окраины удалены от Петербурга на три сотни километров.

⁴ *Смирнягин Л.* Трудное будущее российских городов // *Pro et Contra*. Т. 11. 2007. № 1 (35). С. 56–71.

⁵ См.: Московский столичный регион: Территориальная структура и природная среда. М.: ИГАН СССР, 1988. С. 77; *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. С. 154.

⁶ *Golubchikov O., Phelps N., Makhrova A.* From Closed City to Edge City? Governing Growth at the Periphery of Moscow – the Case of Khimki. // *International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World?* / N. Phelps, F. Wu (eds). Palgrave; MacMillan, 2011. P. 177–191.

⁷ Московский столичный регион: Территориальная структура и природная среда. М.: ИГАН СССР, 1988. С. 254.

⁸ *Махрова А.Г.* Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География*. 2006. № 2. С. 29–34.

⁹ См.: *Сакулин Б.В.* Городское строительство: План застройки в городах и пригородах // *Техника, строительство и промышленность*. 1922. № 1. С. 16–20; № 3. С. 13–21; № 4-5. С. 19–28. *Астафьева-Другач М.* Первые схемы социалистического расселения в СССР // *Архитектура СССР*. 1970. № 6. С. 14–17; Московский столичный регион: Территориальная структура и природная среда. С. 208.

¹⁰ *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: Тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. С. 179.

¹¹ Тут были проекты «Города на рессорах» Александра Лавинского, «Горизонтальных небоскребов» Эля Лисицкого, «Города на опорах» Лазаря Хидекеля, «Города-линии» Виталия Лаврова и «Летающего города» Георгия Крутикова, подробно см.: *Любовный В.Я., Сдобнов Ю.А.* Москва и столичный регион: Проблемы регулирования социально-экономического и пространственного развития. М.: Экон-информ, 2011. С. 110–125.

¹² Правы, однако, оказались критики этой утопической идеи, см.: *Гохберг М.Я., Соловьев Н.А.* Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального экономического района. М.: Мысль, 1975.

¹³ *Листенгутт Ф.М., Наймарк Н.И.* Прогноз формирования и развития сети городских поселений и систем расселения в ЦЭР // *География произ-*

водительных сил Центральной России. М.: МФГО СССР, 1971. С. 113–121.

¹⁴ См.: Московский столичный регион: Территориальная структура и природная среда. С. 220.

¹⁵ В США мало кого волнует тот факт, что столичный Вашингтон перерос рамки федерального округа Колумбия с 0,6 млн постоянных жителей, число которых днем удваивают маятниковые мигранты из почти 5-миллионных пригородов на территории штатов Виргиния и Мэриленд. К официальному Парижу (105 кв. км с 2 млн человек) конечно же надо добавлять 9–10 млн фактических парижан из семи департаментов обеих «корон» Парижской агломерации. Если на Западе создают органы управления крупными урбанистическими образованиями, то они обычно дополняют традиционные и нацелены на координацию их действий.

¹⁶ Напомним, что население существующих агломераций второго порядка составляет от 155 тыс. человек в Домодедовско-Видновской системе, потенциал и структура которой будут затронуты реализацией проекта Большое Домодедово, до 460 тыс. человек в активно застра-

иваемой Химкинско-Зеленоградской и до 750 тыс. человек в Люберецко-Раменской агломерации второго порядка.

¹⁷ Международное жюри по итогам конкурса по первым двум номинациям признало победителем команду Антуана Грюмбаха, а по третьей – размещение федерального правительственного центра – американскую «Урбан Дизайн Ассошиэйтис». Хотя для команд главным было участие в конкурсе и успешное прохождение трех ее этапов, так как московские власти неоднократно заявляли, что проектные решения будут только учтены при разработке нового генерального плана Москвы и схемы территориального планирования Москвы и Московской области.

¹⁸ Особенно если они сравнивали их поведение с поведением французских властей при разработке схемы Большого Парижа, а часть команд участвовала и в парижском конкурсе при бывшем президенте Франции Николя Саркози и при его активном участии (с командами – участниками московского конкурса из «первых лиц» дважды встречался мэр Москвы Сергей Собянин). При этом основные идеи, наработанные в ходе этого конкурса, поддержал уже новый президент Франсуа Олланд.